

© 1998 г.

П.Б. СТРУВЕ: ТРИ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ

Петр Бернгардович Струве (1870-1944) как социолог революции - тема, не только не разработанная, но и недостаточно осознанная в своей значимости. Что - увы! - так часто бывает с нашим духовным достоянием. Поднять эту тему теперь очень важно и актуально: как бы то ни было, речь идет об отношении крупного русского мыслителя к одному из ключевых событий отечественной истории.

Революция - сквозной мотив всего творчества П.Б. Струве. О ней он неизменно размышлял в редактируемых им журналах марксистского направления "Новое слово" и "Начало" (1897-1899), в знаменитой "Искре", а затем в основанном им органе кадетской партии "Освобождение" (1902-1905). Весьма примечательны в данном плане и принадлежащие его перу статьи из сборника "На разные темы" (1902), в частности - "Свобода и историческая необходимость", "Право и права".

В публикациях П.Б. Струве этого предгрозового периода ощущается неизбежность революции и стремление направить таковую в конструктивное русло. И вот она наступила. Подобно устрашающему "оно" Салтыкова-Щедрина из "Истории одного города", революция оказалась ужасной, социально разрушительной, а те силы, которые ее вызвали - безответственными. Это было четко зафиксировано статьей "Интеллигенция и революция"

в знаменитых "Вехах", где обосновывалась альтернатива ей: упорная работа над культурой и творческая борьба идей.

Первые итоги осмысления революционных процессов П.Б. Струве, их непосредственный участник, изложил в статье "Исторический смысл русской революции и национальные задачи" (сборник "Из глубины", 1918), в которой подчеркивалось, что, порвав старые, устоявшиеся связи в стране, объединявшие людей - этнические, государственные и религиозные, - революция так и не создала новых. Именно в этом усматривался ее главный отрицательный социологический эффект. Позже, через десятилетия, уже более рельефно - на уровне некой "логической формулы" - ученый констатирует столь же нелицеприятный вывод в книге "Социальная и экономическая история России", изданной посмертно в Париже. Вот довольно симптоматичная выдержка из нее: "На всем пространстве русской социальной и экономической истории свобода и свободная хозяйственность борются с принуждением и связанной хозяйственностью. И русская государственность и русская общественность в этом отношении исторически двулики: один из этих ликов обращен к свободе, другой к принуждению в самом простом и полном смысле слова... Исследовательская работа автора и обдумывание ее результатов привели его к чисто историческому убеждению, что корни русской революции глубоко заложены в исторической отсталости России, и что ее социалистическая революция XX века есть грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы в экономическом и социальном развитии России и ее народов... Как толковать этот урок в этическом, политическом и социально-политическом смысле зависит уже от той социальной философии, т.е. от той системы ценностей личной и общественной жизни, которую приемлет и утверждает для себя всякий сознательный и ответственный участник исторической жизни..." (Струве П.Б. Социальная и экономическая история России. Париж: YMCA - press, 1952. P. 6-7).

П.Б. Струве не принял Октябрьской революции и дал, пожалуй, самое полное и глубокое понимание ее социологического смысла. В силу этого он отверг и идеал своей молодости - социализм. Вместе с тем есть какая-то тайна в оценке им грядущей судьбы родины. По свидетельству сына Аркадия, делавшего записи разговоров с отцом в последние годы его жизни, мыслитель говорил: "Будущее России принадлежит демократии с социалистическим - вернее, социальным - уклоном" (Новый журнал. № 132. New York, 1978. P. 173).

Касаясь же революции как способа решения острых социальных проблем, нельзя не признать, что она была для П.Б. Струве неприемлемой с позиций и консерватизма, и либерализма, и социального демократизма, и любой комбинации этих начал. И дай Бог, чтобы мы вошли в XXI век без упования на всеразрешающую Революцию, соглашаясь лишь с революциями в науке и технике, а также с большими оговорками - в культуре и искусстве...

Вниманию читателей предлагаются три малоизвестные работы П.Б. Струве, заметно дополняющие наши представления о нем как самобытном исследователе революции.

И.Е. ЗАДОРЖНЮК

ПРОБЛЕМА БОЛЬШЕВИЦКОЙ ОПАСНОСТИ НЕ ТОЛЬКО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ, НО И КУЛЬТУРНАЯ И ДУХОВНАЯ

Надо уяснить себе до конца, что мир переживает не только экономический кризис перепроизводства и послевоенного, из результатов войны вытекающего расстройтва всех экономических отношений, не только связанное с этим экономическим кризисом обострение "социальных противоречий", но и кризис культурный и духовный. Его суть состоит - как я писал в своих статьях о капитализме и социализме - в возрождении социальной революции, в точном смысле **насильственного** водворения социалистического строя, как порядка отношений, основанного на сплошной замене индивидуальной и частной собственности коллективную - и в соответствие этому - на сплошной замене автономного

хозяйствования свободных людей властным управлением подчиненными "Коллективу" людьми и вещами.

Носителем и выразителем этой идеи насильственной социальной революции во имя коллективизма является большевизм и его государственность.

Известный австрийский социалист Отто Бауэр на последнем конгрессе так называемого Второго Интернационала (21.7. 1931 г.) чрезвычайно характерно и показательно обмолвился следующими признаниями. Признав большевизм за путь к социализму, он сказал, что мыслимы разные пути к социализму:

1) путь насилия и 2) путь демократии.

"Мы, - сказал Бауэр, - не желаем отказываться от утвержденных в праве свобод - ради социализма. Мы хотим их использовать в борьбе за социализм".

"Если, однако, - продолжает Бауэр, - это принципиальное противоречие существует между нами и большевиками, то все-таки мы не можем обманываться на счет того, что доступность для нас пути к демократии зависит не только от нас самих".

Сказав это, Бауэр сделал из своих констатирований и признаний следующий заключительный вывод: "Рабочий класс (социал-демократы, как известно, часто отождествляют себя с рабочим классом. - П.С.) будет вести борьбу за социализм, и если у него (рабочего класса) отнимут демократические средства борьбы - тогда он будет вести эту борьбу другими средствами".

Оказывается, что с режимом несвободы (Отто Бауэр явно имеет тут в виду фашизм) социалисты - по мысли видного представителя демократического социализма - будут бороться не ради свободы, а ради социализма, и в этой борьбе они готовы в крайнем случае пожертвовать социализму свободой!

В этих обмолвках главного и ответственного оратора последнего конгресса "Второго Интернационала" скрывается очень существенный, огромной важности факт - идеологическая и эмоциональная близость многочисленных элементов и демократического социализма с большевизмом. Если неправильно, грубоупрощенно отождествлять - как это часто делают справа - социал-демократию и вообще демократический социализм с большевизмом, то столь же неправильно игнорировать и затушевывать указанную близость. Большевизм-коммунизм не есть ни вовсе изолированное явление в мире современных социальных идеологий, ни явление только чисто русское. К сожалению, опасность для мира, которая заключается в большевизме, выросла на некоей определенной духовной почве. В большевизме сгустились **яды**, до большевизма не существовавшие. В большевизме выразился в особо острой форме внутренний кризис, переживаемый мировым социализмом и присущий самой его идее.

Признания Отто Бауэра освещают ярким светом глубоко внутренние противоречия между идеей свободы как фундамента, и притом духовного, современной цивилизации, укорененной одинаково и в христианстве, и в римском праве, - и идеей социализма, свое крайнее выражение нашедшей в большевизме и его практике.

Конечно, большевизм родился из русской дикости, противоположной западу. А это ведь значит, из нашей собственной азиатчины. Не видеть этого может только слепой. Но к этой дикости и азиатчине присоединились, ее осолостили западноевропейские яды.

И потому советчина есть в такой же мере порождение запада, как и России, противоположной западу. А это, ведь, значит, что большевизм или советчина есть и мировая опасность. От этой угрозы мир освободится только тогда, когда веками накопленные яды западноевропейской культуры в соединении с русской азиатчиной, отвердившиеся в какую-то государственную твердыню, захватившие Кремль и из него властвующие, будут для всего человечества обезврежены низвержением этой твердыни.

Всеми миру русская национальная революция во имя свержения столь же необходима, как и самой России. Без этой революции мир не выйдет из своего кризиса.

Это культурно и духовно еще более несомненно, чем экономически, и эту истину и мы, русские зарубежники, и все западные люди, европейцы и американцы, задумывающиеся над судьбами своей цивилизации, должны продумать до конца.

("Россия и славянство" Париж, 15 ноября 1931 г.)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К БЕСЕДЕ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПОРЕВО- ЛЮЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЯХ (Париж, 25 октября 1932 г.)

Я, может быть, разочарую в своем вступительном слове тех, кто ждет от меня полемики в обычном смысле слова. Такой полемикой - особенно полемикой личной - я не намерен заниматься и вас занимать.

Так называемые "революционные течения", о которых будет идти речь в наших беседах, я хотел бы подвергнуть рассмотрению со стороны самых общих идей и чувствований, в них обнаруживающихся. Это будет "группоразъятие", по любимому выражению Герцена.

Все эти течения представляют смесь разнородных мыслей и мотивов, смесь некритическую и потому в основе своей несерьезную и несостоятельную.

Этой смеси надлежит смело и категорически противопоставить одну основную мысль: в области социальной и политической мысли нельзя ни проповедовать, ни производить чудес; обещать их, их призывать, значит вводить людей в заблуждение, их обольщать.

Чудеса в этой области иногда происходят. Но они происходят всегда вопреки вере в чудеса, вопреки обольщениям. Или, выражаясь иначе такие чудеса всегда происходят, но никогда не производятся. Вот почему новый Град соорудят не те, кто будет выкрикивать его "новизны", или соблазнять и обольщать. Его построят - если его нужно и возможно строить - те, кто будут упорно и добросовестно работать над **укреплением старых добротелей**.

Всякое строительство есть возрождение и укрепление. В этом смысле всякое строительство **консервативно**.

Таким образом, первая ложь новоградства есть обольщение новизной. Позвольте привести аналогию. Колумб открыл Америку потому, что он искал Древнюю Индию.

"Новизна", которою щеголяют революционные течения, есть **демагогическая мишура**.

Демагогическая потому, что она льстит стремлениям и страстям масс или массы. "Мишура" потому, что **новизна**, в которую верит толпа, есть сусальное, а не подлинное золото. Так как призраков нельзя свести на землю, - их заменяют фольгой.

Как это ни странно, в этих течениях самым слабым местом перед лицом теоретического и нравственного сознания является то, что они представляют **порочное** сочетание оппортунизма и мечтательности. Их оппортунизм состоит в преклонении перед тем, чего хотят массы, их мечтательность состоит в вере в разум обольщенных масс. На самом деле: массы бывают разумными только тогда, когда они не мечтают и бесстрастны, или мечтают невинно, на "воскресный" лад. Выражаясь заостренно-афористически, я скажу: разумною может быть только умеренная, или "буржуазная" (иначе "мещанская") масса. Государство, право, свобода всегда держатся на **умеренности масс**. Успехи реальные, а не призрачные, социальной демократии во всех странах покоятся на "обуржуазивании" рабочих масс, на их превращении в толпы умеренных мещан. Вот почему, с другой стороны, и в идеологии и социал-демократии, и вообще всякого демократического, а тем паче революционного социализма есть внутреннее противоречие: взвинчивая, идеологически и эмоционально, массы, вы их делаете неспособными к разумному участию в государственной и общественной жизни.

Это можно выразить в таком, на первый взгляд, парадоксальном афоризме: разумная социал-демократия будет только "буржуазной" или ее вовсе не будет. Это, в сущности, другая формулировка мысли, уже мною высказанной: всякое подлинное строительство консервативно в некоторых евоих вечных основаниях; а именно в так называемых "буржуазных". К этим основаниям принадлежит свобода лица, в том числе самая важная свобода, **экономическая**. Я когда-то показал, что формулировка гражданской свободы, которую мы находим в английском правосознании, восходит к формулировкам экономической свободы в классическом римском праве. Это указывает на внутренне неотменяемую связь свободы экономической с свободой гражданской и политической.

Вот почему упразднение Экономической свободы есть самое зловредное, смертельное посягательство на свободу лица вообще, и опыт советской России есть лишь ярчайшее в

мировой истории подтверждение этой истины. В этом поучении я вижу величайший урок для всего человечества русской большевицкой революции. После опыта русской большевицкой революции отрицать, что экономическая свобода личности есть основа всякой свободы могут только лжецы.

В так называемых пореволюционных течениях заключена еще и другая ложь, еще, может быть, горшая. Эта ложь есть политизация религии вообще, христианства, в частности.

Христианство не есть ни социальная, ни политическая доктрина. Оно есть благая весть о личном спасении и затем спасении мира на путях внеисторического или надисторического чуда. Всякая попытка перечеканить христианство в социальное течение и нелепа в своей основе и, с христианской точки зрения, кошунственна. Христианство может благословлять земное делание, но оно само никогда не может им ни исчерпываться, ни в нем сполна выразиться. "Земного рая" с христианской точки зрения быть не может. С этой точки зрения рай **был** на земле, и тот, который будет, будет не на этой земле, а на какой-то "**новой**", к которой не приложимы земные понятия.

{ "Россия и славянство". Париж, 29 октября 1932 г. }

КЛИЧ ОСВОБОЖДЕНИЯ: РЕАКЦИЯ ПОД ЛИЧИНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В своей лекции, прочитанной перед немецкой аудиторией, я говорил как человек, который **изучал** историю, сегодня перед аудиторией чисто русской я буду говорить как человек, который **переживал** историю.

Милостивые государи, самое злое, самое ужасное, самое роковое в происшедшей в России революции заключается в сознательном и грубом разрыве исторической преемственности, в циническом неуважении к своей истории, к ее образам и ликам, к ее алтарям и святыням.

Вне исторической преемственности невозможно никакое историческое творчество. Но и там, где хотят превратить страну, ее быт, ее общественное строение в *tabula rasa*, где мнят **обрить историю**, даже и там это на самом деле не удается. Производят разрушения, но при этом разрушая, калеча, уродуя, в историческом смысле как-то лишь перевертывая какие-то исторические пласты и тем самым обедняя их содержание.

Это общее размышление приводит меня к исторической характеристике русской революции: **реакция под личиной революции.**

Господа, в русской истории всегда действовали **построяющие** и **разрушающие** силы, действовали силы связующие и разлагающие, но до 1917 года эти последние всегда, не доходя до конца, терпели поражение. В 1917 году они победили. Они сломали и сломили, изуродовали и изувечили вековую русскую культуру, пытались выкорчевать ее главные политические, социальные, духовные достижения. Все это отчасти удалось - и я как историк и как политик ощущаю одинаково явственно и сильно, что большевицкая революция отбросила Россию в XVI и XVII век.

Но вот что замечательно: она совершила это злое, реакционное дело не столько своей разрушительной частью, сколько так называемой созидательной. Да, в России очень, до ужаса много сбито и разрушено. Но главное разрушение состоит все-таки не в этом святотатственном сносе исторического здания, а в так называемом коммунистическом строительстве. Разрушения в истории гораздо менее разрушительны и опасны, чем **строительство отравленных духом и по порочным замыслам.** Голые разрушения создают пустое место, отравление же ядовитым духом и возведение построек, порочных в самой основе их замыслов, не только портят души, они надолго создают оковы и воздвигают темницы, которые томят дела и души не днями и месяцами, а годами и десятилетиями.

В самом деле: Россия разрушительной работой большевиков отброшена в XVI и XVII век, но даже не эта реакция, сама по себе, есть самое ужасное и роковое. Самым ужасным и роковым является то, что Россия обретается теперь в отрицательном пространстве, в **обезбоженном и обездушенном** XVI и XVII веке, что ее душа не только опустошена, но и **испоганена.**

Существует легкое и простое объяснение совершившегося разрушения России: **свобода пришла слишком рано.**

Это объяснение антиисторично и потому с исторической точки зрения она не выдерживает ни малейшей критики. Верно как раз обратное: свобода пришла **слишком поздно и слишком разом.** Она своим запоздалым приходом **затопила** государство и **расплавил** все социальные рамки, кроме, как оказалось потом, одной жестко конкретной, и в то же время полицейско-абстрактной железной скобы, все под себя подгибающего и все под себя уравнивающего, все для себя упрощающего принуждения. В этом растопленном и расплавленном состоянии общество не могло существовать. Оно должно было собраться и отвердеть. Тут сложилось самое роковое. Помните, гениальный русский историк философии Константин Леонтьев - одна из самых интересных фигур нашей духовной жизни XIX века, этот глубокий и яркий мыслитель, который был в политике не консерватором, но подлинным реакционером, вычеканил вызывающую формулу:

Россию надо подморозить.

Ну что ж, господа, эта мечта гениального реакционера осуществилась, конечно, не так, как думал Константин Леонтьев!

Большевики сначала растопили и расплавили Россию своей революцией. А затем они принялись подмораживать и затормаживать Россию безбожным и бездушным холодом своего коммунизма.

То, что Россию растопили и расплавили бунтом, было все-таки меньшее зло, чем то, что ее, расплавленную, подморозили и морозят в коммунизме и безбожии.

Отрешаясь от конкретных обстоятельств русской революции, родившейся в буре и в грозе мировой войны, и углубляясь только в исторические корни и условия происшедших событий, мы можем ясно нащупать причины, выражаясь медицински, "этиологию" обрушившейся на Россию катастрофы.

В России исторически масса населения не была приобщена к собственности и свободе. Собственность же есть основа и палладиум свободы и права.

Если масса населения была недостаточно приобщена к собственности и свободе, то с другой стороны, верхушка общества: прежние привилегированные классы (дворянство) и позже народившиеся слои буржуазии, со включением так называемой интеллигенции, слишком привыкли жить **за хребтом государства.** Они не научились ответственности за государство как самостоятельные участники власти, как строители права и порядка. В момент революции они находились еще всецело во власти не идеи, а мифа свободы, то есть не умели отличить **свободу от своеволия.**

Народные массы не имели ни вкуса к свободе, ни уважения к ее основе - собственности. Образованные же классы не имели достаточно **активного отвращения к своеволию,** то есть к попранию права и прав, и главнейшего, самого основного из них - собственности. Всегда в революциях, политических и социальных, судьба и исход их решаются не силой натиска, а силой сопротивления.

Так было и у нас.

"Профессиональные революционеры", каковыми являлись большевики, использовали разрушительные, упростиельные, уравнивательные инстинкты, страсти народных масс и, овладев ими, справились со слишком поздно возникшим, слишком слабо организованным и плохо объединенным сопротивлением национальных и государственных сил.

Как же разморозить коммунистически замороженную Россию, замученную, оскверненную и опоганенную?

Это возможно, это удастся только с помощью того начала, той силы, которая роковым образом не давалась до сих пор России: **свободы.**

Когда-то на самом рубеже XIX и XX веков я так формулировал задачу нашей эпохи: в **праве утвердить права.** Эта задача завещана нам нашим историческим прошлым. И ее с прямо-таки потрясающей силой и отчетливостью раскрыла перед нами революция, ниспровергшая стародавнее право и в то же время растоптавшая те права, которые уже были утверждены в праве, и те, которым предстояло быть завоеванными.

Клич, под который мы собирались тридцать лет тому назад, **клич освобождения**, в наши дни не только не утратил силы и смысла, - совсем наоборот, именно в наши дни, когда пользуясь старой, вычеканенной еще в московскую эпоху выразительной формулой - Россия вновь "в пустошь изнурилась" - этот клич стал окончательно непререкаемым, раскрыв всю полноту и красоту своего государственного содержания и человеческого смысла. Его возвышенная и суровая правда, требующая от лица в одно и то же время подчинения правопорядку и восстания за право и права, теперь запечатлена ужасным уроком той реакции, которая под личиной революции заморозила Россию в коммунистическом рабстве и советской нищете.

("Россия и славянство". Париж, 1 декабря 1932 г.)